

Ресурс развития или фактор деструктивности?

О проблеме социальной избыточности высшего образования

В постсоветский период в странах бывшего СССР, несмотря на всю глубину деструктивных процессов в социально-экономической сфере, система высшего образования в экстенсивном отношении развивалась весьма бурно. Общее количество вузов, и студентов по сравнению с концом советского периода истории выросло в несколько раз (по разным странам цифры колеблются, но общая тенденция везде налицо). И это происходило на фоне уменьшения численности и прогрессирующего старения населения, при обвальном сокращении реальных государственных затрат на образование. И тем не менее появление множества новых специальностей и учебных дисциплин, их содержательная модернизация (особенно интенсивная в гуманитарных науках) на первый взгляд могут показаться признаками «качественного» развития.

Но так ли это? В России за период с 1990-го по 2005 год число высших учебных заведений выросло с 514 до 1068, причем наибольший «вклад» внесли негосударственные высшие учебные заведения. Если в 1990 году в России не было ни одного негосударственного вуза, то в 2005-м их насчитывалось уже 413. Если в 1990 году на первый курс высших учебных заведений было принято около 584 тысяч человек, то в 2005-м их уже было около 1,64 миллиона. Показатели количества студентов на 10 тысяч человек также свидетельствуют о значительном (в три раза!) их увеличении: если в 1990-м на 10 тысяч населения приходилось 190 студентов, то в 2005 году — уже 481. Если в 1990 году успешно закончили высшие учебные заведения 401 тысяча человек, то в 2005-м высшее образование в России получили уже 1151 тысяча. И только к 2010 году рост числа высших учебных заведений почти остановился. Во многом это связано с уменьшением числа абитуриентов, то есть с демографическим фактором. Количество выпускников школ и количество мест в учебных заведениях высшего образования в России в 2010 году стало почти одинаковым. Теперь получают высшее образование практически все, кто сможет сдать ЕГЭ. Можно было бы сказать, что мы перешли ко «всеобщему высшему образованию», если бы такое высказывание не было

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич — соискатель Института философии им. Г. С. Сковороды Национальной академии наук Украины, доцент, кандидат философских наук.

Ключевые слова: высшее образование, социальная избыточность, прагматическое образование, человеческий ресурс, цивилизация, кризис общества.

до очевидности абсурдным. «О каком качестве (в среднем по вузам России) выпускников высших учебных заведений может идти речь?» — справедливо задаются вопросом авторы официального статистического отчета, указывая при этом и на то, что «количественная потребность в молодых специалистах, имеющих высшее специальное образование, вряд ли увеличилась за эти годы (скорее наоборот)»¹.

На Украине количество студентов вузов на 10 тысяч населения также росло поистине «стахановскими» темпами: 176 (1986 год); 310 (1991-й); 468 (2001-й); около 500 (в 2004-м). В абсолютных цифрах: в 1991 году в УССР было 853,1 тысячи студентов, обучавшихся в 149 вузах (из них лишь 10 — классические университеты); а уже в 1998—1999 годах — более 1,7 миллиона студентов в 955 вузах (из них почти 300 — в статусе университетов)². К настоящему моменту увеличение продолжалось: в статусе университетов в начале 2013 года пребывало уже около *тысячи* вузов, после чего министр образования Д. Табачник заявил о необходимости сокращения заведений такого статуса в десять (!) раз, — но никаких реальных действий за этим не последовало.

Вполне очевидно, что такой рост в принципе не может быть обеспечен в качественном отношении. Кроме того, параллельно этому взрывообразному росту происходил и рост коррупции, сопровождающийся, естественно, резким падением уровня реальных знаний студентов (в некоторых случаях практически до нуля). Открытие новых специальностей и введение новых предметов чаще всего оказывались не обеспеченными должным образом ни наличием подготовленных преподавателей, ни качественными учебными пособиями и методиками, превращаясь, таким образом, в откровенную халтуру с исключительно корыстными целями. В этом смысле не только возникающие без какой-либо реальной базы частные вузы, но и непомерно раздувающиеся за счет множества новых специальностей государственные, превращаются в своего рода «потемкинские деревни». Еще сохраняя способность производить качественные кадры, система образования вместе с тем превращается в одну из сфер рынка услуг, для которой на первом месте стоит именно прибыль, достигаемая любыми способами, а все остальные параметры деятельности уходят на второй план.

К сказанному нужно добавить, что высшее образование относится к числу наиболее коррумпированных сфер постсоветской экономики. Так, по самым скромным подсчетам, на Украине не менее 60 процентов студентов регулярно дают взятки за получение оценок, а за само поступление в вуз этот процент еще выше, во многих случаях доходя почти до 100³. Сами трудовые коллективы вузов уже давно практически полностью формируются по принципу «своих людей», то есть через родственные, кумовские связи или же через взятки, если человек таковых не имеет и его берут в систему, как говорят, «с улицы». Поэтому внутренние отношения в этих коллективах построены

¹ Статистика высшего образования по 2010 год. — <http://repetitory-org.ru/other/vuzstat.php>

² См. **Андрієвська О.** Оновлення імперії знань // Критика. Культурологічний часопис. 2001. № 4. С. 11.

³ См. **Піщуліна О.** Корупція у вищій освіті. // Прозорість і корупція в системі вищої освіти України. Збірник матеріалів конференції (Львів, 22—23 листопада 2002 р.). Київ: Таксон, 2003. С. 142—158.

по вполне мафиозным принципам, со сложной системой неформальных обязательств, общей «повязанностью» участием в одной коррупционной системе, а также подчиненностью всех достаточно жесткой системе неформальных правил «вертикальных» и «горизонтальных» отношений. С другой стороны, именно профессиональные качества здесь часто ценятся меньше всего, поскольку само их наличие в первую очередь делает человека опасным конкурентом и тем самым — потенциальной жертвой системы.

Экстенсивный рост системы высшего образования обусловлен высоким спросом на него среди всех без исключения слоев населения. Однако в прагматическом отношении этот вид денежных вложений населения пока что оказывается одним из самых малоэффективных. Общеизвестно, что реальная социальная потребность в выпускниках вузов уже по подавляющему большинству специальностей в несколько раз меньше их численности, возрастающей с каждым годом. Большинство людей с высшим образованием в настоящее время имеют работу, не требующую наличия соответствующего диплома (а часто и вообще никакого — например, в розничной торговле, сфере обслуживания и т. п.). Но в то же время имеет место резкая нехватка квалифицированных рабочих кадров, которая в России «решается» с помощью трудовых мигрантов, а на Украине не решается вообще, так как мигранты в эту страну не едут вообще — наоборот, отсюда едут в Россию.

Тем самым факт устойчиво высокого спроса на высшее образование на самом деле является удивительным и требующим осмысления, особенно учитывая как скудость денежных средств большинства населения, так и то, что эти средства люди обычно вкладывают именно «в диплом», а не в реальные знания, стараясь, где возможно, заменить последние приемлемым денежным взносом. Хотя нам не удалось обнаружить достаточно четкой статистики по этим параметрам (а ее отсутствие или труднодоступность сами по себе очень характерны!), но многолетние наблюдения и опросы однозначно свидетельствуют: подавляющее большинство выпускников вузов не работает по своей непосредственной специальности и очень часто изначально не собиралось этого делать. Последнее в первую очередь относится к педагогическим специальностям: при большом переизбытке людей с дипломами учителей школы испытывают хронический дефицит кадров, легко объяснимый низкой зарплатой и непрестижностью этой работы.

Характерный пример: многократный рост наборов на специальности «Иностранный язык» и «Перевод» объясняется тем, что их стремятся получить люди, ставящие своей целью эмиграцию на Запад, а совсем не работу по указанному профилю. (Поэтому, кстати говоря, было бы совершенно разумным полностью перевести эти специальности на контрактную основу — совершенно дикой является ситуация, когда бедное государство само вкладывает деньги в подготовку «профессиональных эмигрантов», то есть в то, чтобы его обворовали еще больше: ведь молодежь — это главная ценность и главный «ресурс» любой страны!) Характерно, что ежегодное увеличение бюджетных мест на педагогические специальности привычно обосновывается нехваткой сельских учителей — и это не смотря на то, что реальное количество выпускников педвузов, которые

являются выходцами из сел, давно превышает их потребность в несколько раз. Объяснение этому парадоксу очень простое: сельская молодежь использует возможность получения высшего образования (часто льготного) именно для того, чтобы потом не возвращаться в село, оставаясь в городе на любой работе, даже и не требующей какой-либо серьезной квалификации. Тем самым увеличение набора, якобы совершающееся для преодоления нехватки сельских учителей, на самом деле приводит к прямо противоположному результату.

Однако и по множеству других специальностей ситуация, по существу, такая же. Огромный переизбыток дипломированных специалистов наблюдается едва ли не по всем направлениям их подготовки — особенно по экономике, юриспруденции, технике, медицине, в гуманитарной сфере. Есть специальности, социальный спрос на которые практически отсутствует (например, таковы большинство специальностей в области культуры и искусства, специальности философских факультетов и др.), но, тем не менее, количество соответствующих студентов там вовсе не становится меньше. Парадоксальность состоит в том, что спрос на высшее образование не уменьшается, хотя его прагматическая ценность продолжает падать. Чем это объясняется, и могут ли произойти какие-либо изменения тенденций в будущем? Ниже я попытаюсь дать ответ на этот вопрос.

К настоящему времени утвердилась идеологическая концепция, согласно которой высшее образование является едва ли не самым главным фактором развития общества постсоветских стран, которые якобы отстают от ведущих стран мира в экономическом и технологическом отношении в первую очередь из-за неэффективной системы образования. Поэтому утверждается, что нужно лишь усовершенствовать эту систему, и тогда мы стремительно догоним эти страны и по всем остальным показателям. Бесспорно, что развитие высшего образования — один из необходимых факторов развития общества в целом, но столь же бесспорно и то, что этот фактор далеко не единственный, а потому, если «не срабатывают» все остальные, сам по себе он не только ничего не решает, но даже способен усугублять негативные процессы.

Так, например, если в силу объективно сложившегося международного разделения труда страна соответствует по своим характеристикам «третьему миру», то как бы она ни развивала систему образования, это не только не изменит ее положения, но скорее всего даже ухудшит его, поскольку в силу общего «сырьевого» характера экономики специалисты по высоким технологиям останутся просто невостребованными или же будут востребованы лишь в качестве эмигрантов в странах «золотого миллиарда», а средства, затраченные родиной (и государством) на их подготовку, по сути, будут просто украдены у налогоплательщика и выброшены на ветер. Но еще важнее то, что «взрывообразный» рост сферы высшего образования происходит как раз не за счет подготовки специалистов по современным высоким технологиям (что соответствовало бы официальной концепции) — их доля в общем количестве студентов и качество подготовки как раз резко уменьшились по сравнению с советским периодом, но за счет многократного бессмысленного увеличения доли специалистов

для непроектных сфер (управленческой, финансовой, сферы услуг, развлечений и т. п.), оказывающихся в большинстве своем не востребованными в реальной экономике.

Как известно, главная закономерность современного мира состоит в том, что «богатые страны еще больше богатеют, а бедные еще больше беднеют, глобальное неравенство увеличивается». В конкретных цифрах это выражается, например, в том, что «в 1996 году средний доход населения в 70 странах мира был ниже, чем в 1980 г., а в 43 странах — еще ниже, чем в 1970»⁴. Такая динамика согласно теории миросистемного анализа определяется экономической и военно-политической диктатурой «мирового центра» (то есть сообщества наиболее экономически развитых стран мира во главе с США, монополизировавших распределение мировых ресурсов и производство высоких технологий). Поэтому важнейшим и жестко поддерживаемым условием сохранения этой диктатуры является то, что в конечном счете «именно мировой рынок решает, какое предприятие признать целесообразным, а какое лишним для мировой экономики... Ни о каком самовхождении предприятий и национальных экономик (без согласия мирового рынка) в эту систему не может быть и речи. Поэтому надежды на самостоятельное зарождение конкурентоспособных предприятий на обломках экономики СССР абсолютно иллюзорны»⁵. Например, по данным бывшего вице-президента Международного банка реконструкции и развития Н. Бердсола, страны «золотого миллиарда» с 20 процентами населения мира производят 80 процентов мирового ВВП и столько же потребляют ресурсов, а относительно остальных 80 процентов населения Земли имеет место обратная пропорция, причем этот разрыв постоянно возрастал на протяжении всего XX века и продолжает возрастать⁶.

Описанная закономерность отнюдь не является результатом случайности или чьей-то злой воли, но обусловлена фундаментальными особенностями современной глобальной цивилизации. По справедливому замечанию Н. Зарубиной, «в контексте глобализации снимается пафос парадигмы модернизации, утверждавшей необходимость “подтягивания” отсталых стран и регионов до уровня передовых... и заменяется эксплуатацией отсталости и воспроизводством архаичных структур в рамках парадигмы “центр—периферия”... слаборазвитость и низкий уровень жизни воспринимаются теперь как функциональные структурные элементы мировой экономической системы, обслуживающие интересы развитого центра». Поэтому закономерностью, что «практически не знающим исключений является тот факт, что вхождение в мировую систему ранее относительно самостоятельных стран неизменно сопровождается их деиндустриализацией, деградацией и вымиранием, что прикрито “витриной” очагов новейшей экономики и сервиса для узкой прослойки нуворишей, создавших

⁴ Арсенко А. Глобалізація чи фрагментація і пауперізація? Що нам готує вік прийдешній? // Віче. 1998. № 12. С. 104.

⁵ Толанский М. Новые тенденции в мировой экономике // Наш современник. 1993. № 4. С. 165.

⁶ См. Birdsoll N. Life is Unfair: Inequality in the World // Foreign Policy. 1998. Summer. P. 79.

богатство на распродаже национальных богатств и других криминальных операциях»⁷.

Здесь стабилизируется такой тип экономики и социальной жизни, при котором потребность в специалистах с высшим образованием весьма ограничена, и кроме того, вообще постоянно существует большой контингент «лишних людей», в который, вследствие своей избыточности, в первую очередь и попадают лица с высшим образованием. В основе сложившегося перераспределения ролей лежит монополизация основных ресурсов (в первую очередь — финансовых) и высоких технологий странами «золотого миллиарда» во главе с США. Поэтому, строя свою идеологию и приоритеты с ориентацией на условия жизни стран «золотого миллиарда», система высшего образования любой, даже такой большой и богатой ресурсами страны, как Россия, совершает поистине трагическую ошибку; и уж тем более это касается Украины и подобных ей государств. Производя в огромных количествах специалистов, как правило, весьма невысокого, а то и вообще «никакого» уровня, которые оказываются невостребованными, страны постсоветского пространства прежде всего увеличивают депрессивный и социально взрывоопасный контингент населения. А конкурентоспособные специалисты, которых становится все меньше и меньше, эмигрируют — и тем самым бедные страны фактически инвестируют богатых своим «человеческим капиталом», отдавая им своих самых лучших специалистов, на подготовку которых были затрачены большие средства.

Между тем массовое сознание в странах бывшего СССР продолжает наивно ориентироваться на утопическую перспективу вхождения в число самых развитых стран мира с соответствующими стандартами жизни. Главное объяснение «спроса» на высшее образование в условиях сокращающихся возможностей его реального применения состоит как раз в том, что на уровне массового сознания распространена вера в близкий экономический «бум», в результате которого произойдет быстрый переход к тому типу общества, который имеет место в самых развитых странах мира. В расчете именно на это, а не на те условия, которые имеют место быть, люди вкладывают свои средства в обучение детей в вузах, или уже самостоятельные люди тратят на это большую долю своих доходов.

Правда, как свидетельствуют данные социологических опросов, значительная часть людей осознает утопичность таких надежд и начинает связывать высшее образование с надеждой на эмиграцию в страны «золотого миллиарда». Другой характерной тенденцией, очень важной для нашей темы, является получение высшего образования без особой надежды на соответствующую профессиональную деятельность — так сказать, «для души». Например, автору этих строк пришлось столкнуться с такой оригинальной «героической» мотивацией абитуриентов в приемной комиссии философского факультета одного провинциального вуза.

В нынешних условиях, кроме того, достаточно очевидно, что уровень образования и наличие дипломов весьма мало связаны с уровнем доходов человека. Как отмечает один из наиболее интересных авторов, писавших на эту тему, в постсоветском социуме «полностью отсутствует положительная

⁷ Зарубина Н. Кто будет работать в России? // Москва. 2003. № 4. С. 159.

зависимость между качеством образования и личным успехом в жизни. Скорее наоборот, эта зависимость отрицательна. Личные связи и неразборчивость в средствах — основные способы для достижения успеха. Что касается образования, то нужны не знания, а справка об образовании, диплом. Причем не важно какой. Дипломированные неучи делают карьеру быстрее и успешнее, чем хорошо обученные профессионалы (именно потому, что кроме как “делать карьеру”, они ничего и не умеют. — В.Д.)⁸.

Поэтому, если исходить из исключительно меркантильных интересов, настоящее высшее образование непосредственно необходимо сравнительно небольшой части населения, основная же его масса занята такими видами деятельности, которые не требуют не только высшего, но часто даже и среднего образования. Таким образом, одна из специфических социальных функций высшего образования в странах постсоветского региона

Уровень образования и наличие дипломов весьма мало связаны с уровнем доходов человека. Как отмечает один из наиболее интересных авторов, писавших на эту тему, в постсоветском социуме «полностью отсутствует положительная зависимость между качеством образования и личным успехом в жизни. Скорее наоборот, эта зависимость отрицательна».

мира заключается в его *проектности, резко доминирующей над прагматичностью*: здесь высшее образование чаще всего избыточно по отношению к текущим, нынешним условиям жизни человека и приобретает целерациональный характер только лишь как элемент желаемого будущего, тем самым неся в себе большую долю риска и даже авантюризма.

Сегодня тот уровень знаний, который давался настоящим высшим образованием в предшествующие эпохи (советскую и тем более досоветскую), для современной постсоветской экономики является, за редкими исключениями, совершенно ненужным — то есть избыточным в самом буквальном смысле слова. Ведь в последней такой уровень знаний и творческих навыков, для которого требуется получение подлинного высшего образования (а не современного его симулякра, скрытого за наличием диплома) фактически необходим совершенно ничтожному количеству людей — всего *нескольким процентам населения*, занятым на высокотехнологичных производствах и в обслуживании сложной техники, а также в сфере научных исследований и качественной гуманитарной деятельности.

Все остальные заняты на таких работах, которые требуют лишь совокупности элементарных навыков и небольшой эрудиции в очень узкой сфере,

⁸ Шарыгин И. Образование и глобализация // Новый мир. 2004. № 10. С. 113.

которые быстро приобретаются на практике и в принципе вообще не требуют специального обучения. Это касается основных сфер занятости в наше время — то есть сферы обслуживания (в широком смысле слова), торговли, управления («офисный планктон»). На таких работах «диплом» требуется исключительно как статусная формальность; поэтому, как правило, здесь обычно бывает безразлично, какая специальность написана в этом дипломе, и более того — даже безразлична его подлинность. Отсюда и развитие «индустрии» подделок.

Едва ли не самый главный фактор качественной деградации высшего образования и превращения его в «торговлю дипломами» состоит именно в том, что сами студенты изначально знают: знания как таковые им для будущей деятельности и «карьеры» не нужны, а поэтому они часто сами *провоцируют* замену реального обучения коррупционным обменом. Вследствие этого сам «образовательный процесс» приобретает откровенно *имитационный* характер, что имеет крайне деструктивный характер уже не только по отношению к самой системе образования и к сфере трудовой этики молодежи; он стимулирует формирование паразитического, безответственного образа жизни. Возникла целая субкультура индивидов из числа как молодежи, так и людей среднего возраста, которые не привыкли к реальному труду, а многие и сознательно не хотят работать. И одним из главных факторов формирования таких взглядов стало то «высшее образование», которое они получили в молодости вместо реальной трудовой деятельности. Поэтому если фундаментальный принцип состоит в том, что «образование — не часть сферы услуг, но один из главных элементов общественного производства — воспроизводства самого человека»⁹, то в действительности, по сути, имеет место прямо противоположный процесс — такое «высшее образование» стало мощным фактором антисоциализации и фактической деградации личности.

Этот процесс имеет еще и другую, уже не прагматическую, но намного более фундаментальную причину. Происходящая прагматическая и ценностная девальвация высшего образования обусловлена не только его количественной избыточностью и низким качеством, но и *резким падением базового уровня культуры* у представителей постсоветских поколений. Явное большинство студентов начала XXI века фактически *необучаемы* на уровне вузов: их базовых культурных навыков в лучшем случае хватило бы для добротного среднего специального образования, и не более того. Усвоить программу вуза они органически неспособны, даже если бы и приложили максимальные усилия (но это тоже исключено). Этот факт отнюдь не является аномалией и представляет собой часть более общего цивилизационного явления, которое можно определить как *вторичную варваризацию* — утрату новейшими поколениями культурных навыков, еще недавно бывших совершенно естественными и само собою разумеющимися у их ближайших предков, часто не имевших вообще начального образования.

Возникает ситуация, еще недавно казавшаяся немыслимой, когда почти поголовное «высшее образование» сочетается с обвальной культурной де-

⁹ Смолин О. Н. Образование — фундамент культуры // Свободная Мысль. 2012. № 1/2. С. 20.

градацией. Главной причиной этой вторичной варваризации является формирование «потребительского общества», в котором стало избыточным все, что выходит за рамки индивидуалистического прагматизма. А это в первую очередь базовые духовные ценности и культурные навыки, унаследованные от традиционного общества — такие, как понимание самоценности знания, стремление к расширению своего кругозора и выработке самостоятельного мировоззрения, что в свою очередь обуславливало любовь к книгам и чтению и другие непрагматические интеллектуальные интересы.

Налицо не просто некая социальная аномия, связанная с «переходным периодом», но фундаментальный факт цивилизационного масштаба. Речь идет о том, что под официальной вывеской «общества знаний», «информационного общества» и прочих изобретений нынешнего «министерства правды» в реальности происходит совершенно иной процесс — быстрое становление *цивилизации примитива*, в которой основная масса населения живет псевдоценностями потребительства, вседозволенности и бессмысленных развлечений. Для такой «цивилизации» знания не только не нужны, но и более того — они для нее вредны, поскольку могут разрушать тот пустой и примитивный жизненный мир, который она создает для основной массы людей. Люди, имеющие какие-либо знания, хотя бы немного выходящие за рамки предлагаемого им примитивного взгляда на мир, становятся «опасными». Эта цивилизация враждебна образованию, а образование враждебно ей.

Следует со всей серьезностью осмыслить это новое и столь непривычное для наших стереотипов положение вещей. В свое время П. Сорокин, указывая на неизбежный упадок современной буржуазной цивилизации, определял общую парадигму нынешнего исторического периода как взаимодействие двух процессов: а) нарастающий упадок чувственной культуры, общества и человека и б) появление и постепенный рост первых компонентов нового идеационального... социокультурного строя»¹⁰. Один из таких компонентов — уже упомянутый выше феномен получения высшего образования без особой надежды на соответствующую профессиональную деятельность, «для души». Этот феномен означает, что в рамках господствующей цивилизации примитива реально существует и *альтернативная цивилизация*, в рамках которой *знания являются в первую очередь непрагматической ценностью, которая позволяет людям сохранять свое человеческое достоинство и свой взгляд на жизнь, не подчиняясь явно господствующей деградации*. Тем самым эта «героическая» мотивация оказывается явно целе-рациональной, но ее цель и ее рациональность совсем иного рода, чем те, которые навязываются буржуазным обществом.

Но даже независимо от того, какова доля тех, кто ныне получает высшее образование не с прагматической целью, а с целью личностного развития, речь идет о несомненно знаковом явлении, поскольку оно указывает на *новую функцию* высшего образования в социальной системе. А именно, в условиях качественной деградации и практической бесполезности основной функцией системы высшего образования становится компенсация личностного недоразвития молодых поколений в условиях «цивилизации прими-

¹⁰ Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 885.

тива». Хотя бы будучи весьма условно вовлеченным несколько лет в учебный процесс, молодой человек продолжает процесс своей социализации и аккумуляции на намного более высоком уровне, чем это было в школе и семье, не говоря уже о стадной «тусовочной» среде. Даже если это обучение происходит крайне поверхностно и формально, все равно, уже сам факт постоянного общения с людьми — носителями научных знаний, эрудиции и иного уровня культуры (а таковых среди преподавателей все еще вполне достаточно), а также пребывание в среде сверстников, связанных между собой не бездумным времяпровождением, но хотя бы минимальными попытками усвоить что-то новое, — все это в любом случае является очень полезным периодом в жизни человека.

Это становится особенно понятным, если сравнить сказанное с альтернативным вариантом — попаданием в жесткую среду однообразного простого труда и рыночного выживания в раннем возрасте — сразу после окончания школы или даже еще раньше. (Такой вариант, как правило, сразу приучает человека к чисто адаптивному и рутинному образу жизни, с атрофией более сложных потребностей и стимулов к личностному развитию.) Все это можно назвать *minimum*-функцией высшего образования — функцией, которая имеет принципиально прагматический характер, но вместе с тем — огромную гуманитарную и общекультурную значимость. Поэтому даже при отсутствии практического применения время и средства, потраченные на это, не пропадают зря. В свою очередь, функцию высшего образования как «получения профессии», можно назвать *postma*-функцией.

Существует и *maximum*-функция высшего образования, суть которой особенно важно понимать в наше время. Эта функция может органически сочетаться с *postma*-функцией (в этом — гумбольдтовский идеал Университета), но может выступать и как самостоятельная прагматическая ориентация при выборе человеком места и направления обучения. Это функция усвоения сложного тезауруса культуры и культуротворческих навыков как автономная ценность, необходимая человеку для внутреннего, личностного развития. Это то самое образование «для души», непосредственно не связанное с будущей сферой зарабатывания на жизнь, о которой как об особой реальной мотивации было упомянуто выше. Это функция, обеспечивающая человеку вхождение в «большое время» (М. Бахтин) культуры и тем самым создающая в нем особое внутреннее пространство свободы духовно-нравственного и творческого самоопределения. Конкретная профессиональная направленность при этом становится средством, а не самоцелью¹¹. Тем самым *maximum*-функция имеет особый гуманитарный смысл — освободить человека от власти буржуазности.

Понятие «современный» как таковое означает особый модус бытия жизненных явлений, при котором они со-временны, то есть постоянно

¹¹ Стоит отметить также, что подобная мотивация на практике оказывается и важным фактором противостояния коррупции: обладающий ею студент стремится к знаниям, а не к диплому как самоцели, а потому он не провоцирует коррупционные отношения, но наоборот, стимулирует преподавателей к большей самоотдаче. В этом проявляется парадокс, состоящий в том, что прагматические цели часто в конечном итоге приносят большую практическую пользу.

меняются с течением времени, не имея в себе собственного устойчивого содержания, будучи по сути своей ситуативными и эфемерными. Быть «современным» — значит быть со-временным, то есть не иметь в себе ничего подлинного и поэтому неизменного, но лишь непрерывно приспособляться к «требованиям дня» и капризам моды. Современная цивилизация принципиально со-временна — это цивилизация погони за «сегодняшним днем» и отрицания всего непреходящего. Таким же она делает и людей, лишая их жизнь внутреннего смыслового пространства. Это лишение — самое страшное из всех человеческих лишений, оно ничем не восполнимо, делая жизнь невыносимой из-за ее бессмысленности. Гонка людей за карьерой и развлечениями, безудержное потребительство — все это следствие именно внутренней опустошенности, стремление заполнить эту пустоту души, этот экзистенциальный и смысловой вакуум сознания хоть чем-нибудь, что могло бы так увлечь человека, чтобы дать ему забыть о своей душе.

Возможно, такой тип человека может существовать на протяжении целого ряда поколений и считать себя не только вполне «нормальным», но и даже самым «цивилизованным» из всех, когда-либо существовавших (большое самомнение — самый первый признак деградации). Возможно. Но с другой стороны совершенно очевидно, что этот тип может существовать только в весьма комфортных материальных условиях и не способен к серьезным усилиям ни в сфере настоящей творческой деятельности, ни в сфере реального производства. Во всяком случае, государство может существовать только тогда, когда помимо этого типа людей в нем воспроизводится также и традиционный «непотребительский» тип человека с осмысленным взглядом на мир и на самого себя. Тем более это касается такой страны, как Россия, которая может существовать только в режиме постоянного усиления модернизации, чтобы не быть в очередной раз разграбленной и выброшенной в болото «третьего мира» — как это произошло после распада СССР.

Поэтому для России и близких ей постсоветских стран культивирование этого типа человека в настоящее время становится важнейшим стратегическим ресурсом выживания. Именно этот тип человека способен к тому роду деятельности и стилю жизни, который в настоящее время необходим для возрождения народа, государства и всего пространства российской цивилизации. Непотребительский тип деятельности и стиль жизни, ориентированный на высшие ценности — служение Родине, самосовершенствование личности и борьбу за социальную справедливость, может воспитываться и современной системой высшего образования, и это отчасти реально происходит именно в тех случаях, когда *ценностные мотивы образования у людей превалируют над прагматическими*. Кроме того, именно такое превалирование, даже если оно пока и не является доминирующим, фактически является единственным по-настоящему эффективным фактором уменьшения поистине катастрофической коррупции в сфере образования.

Таким образом, обобщая, следует констатировать, что система высшего образования в настоящее время функционирует в рамках двух прямо противоположных тенденций. *Деструктивная* — процессы антисоциа-

лизации молодежи, порождаемые коррупцией и имитацией образовательного процесса, тем самым подрывающие основы трудовой этики и ответственного отношения к жизни у новых поколений. Но ей противостоит и *конструктивная* тенденция, связанная с ценностным, непрагматическим подходом к необходимости образования, которая движет той частью молодежи, что видит смысл своей жизни в самосовершенствовании, служении Родине и жизни по совести.

Тем самым подход к задачам образования, который был выше назван «непрагматическим», является таковым только на уровне *непосредственной мотивации* обучаемых и обучающих, однако на *стратегическом* уровне он как раз оказывается максимально прагматичным. Высшее образование как особая система дополнительной социализации и аккультурации людей (не только молодежи) составляет главный антропологический и цивилизационный ресурс, обеспечивающий наличие в социуме людей, способных поддерживать не только текущую жизнеспособность страны, но и накапливать «компоненты нового идеационального социокультурного строя» (П. Сорокин), без которых ни наша страна, ни человечество в целом не имеют будущего. ◆